

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2042](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042)

Р. В. Парма

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВАХ

Правильная ссылка на статью:

Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145—170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.

For citation:

Parma R. V. (2021) Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>. (In Russ.)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВАХ

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: rvparma@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования специфики общественной активности россиян в онлайн- и офлайн-средах. Цель работы — выявление взаимосвязи социальных и политических действий российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах. Методология исследования опирается на сетевой и необихевиористский подходы, а также на концепции социальных движений и политического участия. Эмпирическая основа работы — онлайн-опрос по квотируемой репрезентативной выборке ($N = 1600$). Автор оценивает интенсивность, масштаб, характер, направленность, факторы и эффекты вовлеченности граждан в общественную активность, а также сегментирует российских граждан по политическим установкам лояльности, оппозиционности и отрешенности.

В целом среди российских граждан выявляются слабая общественная консолидация и низкая интенсивность общественного участия, преобладает разобщенность в готовности к совместным действиям. В общественных установках население проявляет выраженную отстраненность от политической активности и распо-

PUBLIC ACTIVISM OF RUSSIAN CITIZENS IN OFFLINE AND ONLINE SPACES

Roman V. PARMA¹ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Mass Communications
E-MAIL: rvparma@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

¹ Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The paper studies of the specifics of social activity of Russians in online and offline spaces. The aim of the work is to identify the relationship between social and political actions carried out by Russian citizens offline and online. The research methodology is based on network and non-behavioral approaches, as well as on the concept of social movements and political participation. The empirical basis of the work is an online survey on a quota representative sample ($N = 1600$). The author assesses the intensity, scale, nature, focus, factors, and effects of citizens' involvement in public activity, and also segments Russian citizens according to political attitudes of loyalty, opposition, and detachment.

The study reveals weak social consolidation and low intensity of public participation among Russian citizens; disunity prevails in readiness for joint action. In social attitudes, the population shows a pronounced detachment from political activity and a disposition to social activity. Citizens tend to unite primarily to address issues of environment, animal rights, and low living standards. More significant motives of social activity than material incentives are benefits to other people, moral duty, common cause,

ложенность к социальной активности. Граждане склонны объединяться прежде всего для решения проблем экологии, защиты животных и низкого уровня жизни. Более значимыми мотивами общественной активности, чем материальные стимулы, выступают польза другим людям, нравственный долг, общее дело, самореализация, влияние на власть, общение с людьми и получение нужных навыков. В общественной онлайн-активности преобладают кликтивистские формы, а офлайн граждане склонны участвовать в действиях по решению возникающих проблем на основании самоорганизации. Пассивное поведение большинства граждан сдерживает конверсию общественной активности из онлайн- в офлайн-пространство.

Выявленные корреляции показывают наличие связи между онлайн- и офлайн-предпочтениями при выборе субъектов взаимодействия для реализации гражданских инициатив. Интенсивность использования цифровых каналов коммуникации для реализации общественной активности связана с частотой участия в действиях офлайн, направленных на решение социальных и политических проблем. Внутренняя установка граждан на реализацию общественных инициатив предопределяет активность использования онлайн коммуникаций для более эффективных действий в офлайн. Значимая корреляция выявлена между социальной и политической активностью граждан. При этом частота подталкивающих к действиям информационных сообщений оказывает слабое влияние на общественную активность граждан.

self-realization, influence on power holders, communication with people, and the acquisition of useful skills. In public online activity, clicktivist forms prevail, and offline citizens tend to participate in actions to solve emerging problems on the basis of self-organization. The passive behavior of the majority of citizens hinders the conversion of public activity from online to offline space.

The revealed correlations show the presence of a connection between online and offline preferences when choosing subjects of interaction for the implementation of civic initiatives. The intensity of the use of digital communication channels for the implementation of public activity is associated with the frequency of participation in offline activities aimed at solving social and political problems. The internal attitude of citizens to the implementation of public initiatives predetermines the active use of online communications for more effective offline actions. A significant correlation was found between the social and political activity of citizens. At the same time, the frequency of information messages nudging to action has little effect on the public activity of citizens.

Ключевые слова: общественный активизм, социальная активность, политическая активность, гражданское участие, политическое участие, социальные сети, конверсия активности, онлайн-активизм, офлайн-активизм

Keywords: public activism, social activism, political activism, civic participation, political participation, social media, activity conversion, online activism, offline activism

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Контекст исследования

Способы взаимодействия граждан при проявлении общественной активности изменяются под влиянием цифровых технологий [Пырма, 2019]. По мере их распространения трансформируется ландшафт социальных движений, что стимулирует новые модели поведения и формы активности [Bimber, 2000]. Изначально пессимистичные концепции кризиса гражданского участия, связывающие массовое вовлечение в цифровую среду с отвлечением от общественных проблем, разобщенностью граждан, размыванием социального капитала и увяданием демократии в процессе смены поколений, оказались несостоятельными [Putnam, 2000].

Интернет и цифровые коммуникации в целом приобрели большее общественное значение, что повлекло за собой развитие гражданских практик и ценностей [Boulianne, 2009]. Цифровые медиа создали в общественной активности как «эффекты большого размера», способствующие более мощной мобилизации, так и «эффекты теории 2.0», приводящие к новым формам социальных движений [Earl, Kimport, 2011]. Цифровые платформы сформировали онлайн-среду — второе виртуальное пространство действий для граждан [Kellerman, 2014]. Оптимистичные концепции общественного развития трактуют процессы, обусловленные расширением влияния цифровых коммуникаций, как открытие возможностей формирования новых форм активности, норм и моделей поведения, которые ведут к возрождению гражданского участия [Dalton, 2015].

Цифровые коммуникации радикально изменили информационный контекст и организационные процессы, создав широкие возможности сетевого взаимодействия граждан [Lewis, Gray, Meierhenrich, 2014]. Социальные медиа и мессенджеры стали технологической основой для вовлечения в социальные и политические движения, породив цифровой активизм (киберактивизм) [Sandoval-Almazan, Gil-Garcia, 2014]. Исследователи определяют его как общественный активизм, опосредованный цифровыми коммуникациями [Bennett, Segerberg, 2013], которые открыли новые возможности для действий граждан в организации сообществ и движений. Цифровой активизм по сравнению с традиционными формами активизма, несмотря на многочисленные онлайн-репродукции офлайн-мероприятий, открыл возмож-

ности для новых практик гражданских действий. Репертуары цифровых действий рассматриваются как часть технологического инструментария и виртуальных акций, которые используются для социальных изменений [Selander, Jarvenpaa, 2016].

В современных исследованиях обозначаются различные следствия изменений в общественном активизме. Одни полагают, что нарастающая общественная активность имеет важные последствия для отношений между индивидами, политическими институтами, гражданским обществом и государством, обуславливая необходимость защиты гражданской сферы в сочетании с расширением новых возможностей для гражданского участия и переосмысления демократии [Youngs, 2019]. Другие отмечают, что новые действующие лица оказались вовлечены в усилия по изменению социального порядка, а прежние — приспособились к новым способам организации, в результате чего появились и выросли оригинальные формы общественных движений. При этом происходящие трансформации не оказывают однозначно позитивного воздействия на общественное развитие [Young, Selander, Vaast, 2019].

В центре внимания данной работы находится современная российская практика объединения усилий граждан для решения общих социальных и политических задач в офлайн- и онлайн-средах. Ее цель состоит в выявлении взаимосвязи общественной активности российских граждан в обычном и цифровом пространствах коммуникаций, а прикладные задачи сформулированы следующим образом:

- 1) определить интенсивность общественной активности и ее зависимость от политических установок;
- 2) сопоставить использование каналов коммуникации и форм общественной активности граждан онлайн и офлайн;
- 3) соотнести практики социальной и политической активности граждан, выявив возможности и факторы конверсии общественной активности из онлайн-пространства в офлайн.

Определение понятий

Трактовка понятия «общественный активизм» не вызывает среди исследователей сильных разночтений. Любые индивидуальные или коллективные действия, направленные на выявление и решение значимых проблем, рассматриваются как общественная активность, которая анализируется в политическом, социальном, психическом и коммуникативном аспектах [Klandermans, 2004]. Общественный активизм также определяется как действия граждан, направленные на осуществление социальных, политических, экономических или экологических изменений в обществе [Martin, 2007]. В более общем виде общественный активизм — действия граждан, предпринимаемые для изменений в социуме [Briscoe, Gupta, 2016]. Современные исследователи предметно рассматривают общественный активизм в ракурсе отношений между государством, новым медиаактивизмом и неолиберальными практиками, исходя из представлений, что цифровая среда стимулирует граждан к участию в формальной демократической деятельности [Roberts, 2014].

В российских исследованиях общественный активизм некоторые понимают весьма широко — как динамическое взаимодействие граждан [Яницкий, 2015]. В большей части других исследований общественный активизм тождествен гражд-

данскому, который рассматривается как сложное социальное явление, включающее различные поведенческие практики, ценности, формы и мотивы участия граждан и их групп в общественно-политической жизни [Трофимова, 2014]. Гражданская активность состоит из деятельности различных общественных и политических сил, преследующих экономические, социальные, политические и идеологические интересы. Социальная база гражданского активизма рассматривается на основе параметров включенности в политическую деятельность и неполитические практики, а также готовности оказать поддержку общественным движениям. Неполитический и политический активизм взаимно дополняют друг друга, способствуя повышению интенсивности гражданского взаимодействия [Петухов и др., 2014]. Между политическими и неполитическими проявлениями гражданского активизма выявлена тесная взаимосвязь. Подавляющее большинство (79 %—81 %) российских граждан, участвующих в деятельности неполитических общественных организаций, включены в политическую жизнь страны. Исследователи, отмечая плотную взаимно усиленную связь между двумя этими составляющими, формулируют закономерность: «чем выше степень включенности граждан в неполитические формы и практики гражданского активизма, тем выше и более деятельна их политическая включенность» [Седова, 2014: 55].

Общественный активизм также во многом совпадает с трактовками общественного участия, понимаемого как «процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата» [Никовская, Скалабан, 2017: 43]. Общественное участие включает гражданские, социальные и политические действия, происходящие за границами частных и экономических отношений. Гражданское участие закрепляет вертикальные отношения, связанные с практикой соуправления и принятия решений в соответствии с общественными интересами, тогда как социальное участие отличают горизонтальные связи в практике взаимопомощи и кооперации людей. При этом происходит размывание границ между социальным, гражданским и политическим видами участия, а также расширение сетевых и индивидуализированных связей, возникающих преимущественно для реализации общественных проектов и инициатив.

В исследованиях выявляются различные представления о содержании, направлениях, разновидностях общественного активизма [Пырма, 2021]. В этой статье автор исходит из того, что общественный активизм граждан проявляется прежде всего в социальном и политическом участии. Под социальным активизмом понимается общественная деятельность, объединяющая граждан для совместного и преимущественно самостоятельного решения общих проблем через оказание помощи и проявление заботы, тогда как под политическим активизмом — общественная деятельность, объединяющая граждан для реализации общих интересов посредством влияния на решения органов власти и связанная с выдвижением требований и проявлением инициативы, а также с обеспечением представительства.

Теоретические и методологические основания работы

Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные трактовки сетевого подхода в интерпретации концепций власти коммуникаций

М. Кастьяса [Castells, 2015], связующих действий В. Беннетта и А. Сегерберг [Bennett, Segerberg, 2013] и цифрового участия Дж. Ван Дета и Я. Теохариса [Theocharis, van Deth, 2018], а также необихевиористского подхода, в частности теорий подталкивания Р. Талера и К. Санстейна [Талер, Санстейн, 2018], Д. Сомана [Soman, 2017] и концепций триггеров Д. Бернтсена и Д. Рубина [Bernsten, Rubin, 2002], Б. Дж. Фогга [Fogg, 2020].

Сетевой подход позволяет рассматривать взаимодействие граждан в социальных медиа, обмен информацией и формирование структурированных сообществ. Концепция власти коммуникаций состоит в управлении информационными потоками в социальных сетях посредством программирования цифровыми платформами и позиционирования лидеров сообществ, которые формируют предпочтения пользователей, создают масштаб и силу гражданских действий. Концепция связующих действий рассматривает онлайн-коммуникации как новую форму организации совместных акций в логике объединения слабых персонализированных усилий, производимых на основании обмена контентом между сетевыми сообществами, в отличие от прежней логики коллективных действий, связанных с мобилизацией ресурсов, формированием структуры и идентичности. Концепция цифрового участия рассматривает расширение репертуара выразительных, творческих и индивидуальных действий граждан в социальных сетях для решения значимых проблем как единую форму политической активности для организации общественного влияния на институты власти.

Необихевиористский подход позволяет анализировать политическое поведение граждан в определенном контексте прежде всего как действия, спровоцированные возникающими информационными стимулами и событиями-триггерами. Теория подталкивания предполагает воздействие на предпочтения при принятии решений («архитектуру выбора») социальных групп или отдельных индивидов путем подкрепления прямых или косвенных информационных сообщений. Подталкивание повышает вероятность определенного выбора или желательного поведения, запуская когнитивные процессы в пользу заданного результата, что реализовано в цифровой среде в форме таргетирования контента на адресные аудитории. Концепция триггеров говорит об опосредованном мотивами и способностями индивида изменении поведения под влиянием событий, сообщений и образов, которые действуют как «спусковой крючок», побуждающий к совершению определенных действий.

Предметные методологические основания исследования общественного активизма находятся на пересечении двух больших направлений политических исследований: социальных движений [Павлова, 2009] и гражданского участия [Патрушев, 2009], которые рассматривают массовые действия, приводящие к общественным трансформациям. Содержание исследования предопределяет особый интерес к методологии анализа общественной активности с учетом дифференциации граждан по ролевым моделям поведения, мотивации участия граждан в социальной и политической деятельности, предпочтений относительно форм гражданского участия, расширения возможностей цифрового участия и конверсии массовых действий из онлайн-среды в офлайн.

В основу опросного инструментария данной работы легла концепция затрат усилий на участие. На волне новых социальных движений в 1960-е годы Л. Милбрат

объяснял политическое участие гражданина с позиции деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности, разделяя активность на зрительскую, переходную и гладиаторскую деятельность [Milbrath, 1965; 1981]. Исходя из принципа затрат усилий, современные исследователи моделируют структуру общественного активизма по восходящим уровням участия граждан [Preece, Shneiderman, 2009]. Общественный активизм подразделяется на действия мягкого типа, подразумевающие проявление гражданственности через высказывание собственного мнения и способность убеждать, и действия жесткого типа, требующие больших усилий для разрешения социальных проблем методами сбора петиций, проведения собраний и митингов [Milošević-Dorđević, Žeželj, 2017]. На основе уровней политического участия Л. Милбрата исследователи конструируют модель иерархии цифрового активизма, оценивая приложение усилий и обладание ресурсами [George, Leidner, 2019].

На содержание программы исследования повлиял опыт анализа организации гражданских действий в онлайн- и офлайн-средах, определения масштаба политической мобилизации и ценностных установок пользователей социальных медиа [Бродовская, Хуанг, 2019], а также дифференциации общественной активности в парадигме сетевых ролей «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов» [Бродовская и др., 2019]. Работа построена на понимании, что цифровые коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекают граждан в общественную деятельность, подталкивают к участию в публичной политике, создают организационные структуры для формирования коллективных целей и идентичностей, которые «способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал» для последующих уличных действий, конвертируя гражданское онлайн-участие в политические офлайн-акции [Ахременко, Стукал, Петров, 2020: 87].

В своих расчетах автор использует данные Всероссийского опроса, проведенного департаментом политологии Финансового университета в рамках исследовательского проекта «Формирование установок гражданской активности: факторы, технологии, эффекты». Опрос проведен в онлайн-формате в марте 2021 г. по выборке в 1600 респондентов, репрезентирующей граждан России по полу, возрасту от 15 лет и федеральным округам. Рекрутинг респондентов происходил на платформах социальных медиа.

Результаты исследования

Уровень общественной активности граждан

Измерение общественных настроений российских граждан в ракурсе политических установок выявило неоднозначную ситуацию. Большинство российского общества составляют аполитичные граждане (52%), которые склонны проявлять социальную активность и избегать политического участия в поддержку действующей власти и оппозиционных сил. Лояльные власти граждане составляют более трети (36%), однако уровень их социальной и политической активности оказывается средним. Оппозиционно настроенные граждане составляют активное меньшинство (12%), демонстрируя существенно более высокий уровень как социального, так и политического участия.

Среди женщин лояльных граждан оказалось несколько больше (38%), чем среди мужчин (34%), в то время как оппозиционных граждан больше среди мужчин

(14% против 10% среди женщин). Максимальной поляризацией позиций отличается молодежная аудитория, среди которой много лоялистов (37%), но и немало оппозиционеров (19%). В средней возрастной группе наблюдаются выраженные аполитичные настроения (59%). В старшей возрастной группе несколько шире распространены лояльные настроения (38%). Высокий уровень лояльности отмечается среди учащихся школ и сузов (52%), оппозиционности — среди учащихся вузов (15%), аполитичности — среди пенсионеров (55%). Политические настроения в значительной степени связаны с изменением материального положения граждан. В кругу лояльных граждан преобладают те, чье благосостояние улучшилось либо остается устойчивым на протяжении последних двух-трех лет. Оппозиционные граждане заметно чаще обозначают ухудшение своего материального положения. Среди аполитичных граждан также отмечена существенная негативная динамика уровня жизни.

Уровень социальной активности в целом характеризуется частотой объединения усилий для решения общих задач. Распределение тех, кому за последний год по собственной инициативе приходилось оказывать помощь, поддержку другим людям (кроме родственников и близких), оказалось следующим. Социально пассивные граждане составили большинство (58%); при этом 16% хотели, но не смогли оказать помощь, а 9% не оказывали поддержку, но намерены проявить такую активность в будущем. Около четверти опрошенных (23%) составила группа безучастных граждан, которые не испытывают желания помогать другим, а еще 10% затруднились выразить определенную позицию. За последний год по собственной инициативе содействовать другим людям приходилось менее половины (42%) граждан (при этом такой ответ на вопрос, очевидно, является социально одобряемым). Примечательно, что оппозиционно настроенные граждане (12%), выглядят заметно более социально активными, обозначая в абсолютном большинстве (67%) свое участие в оказании помощи другим. Среди лояльной власти аудитории (36%) социально активных граждан значительно меньше (42%), а среди аполитичной аудитории — только около трети (36%).

Разобщенность российских граждан проявляется и в ответах на вопросы о готовности объединяться для совместных действий при условии совпадения идей и интересов: консолидироваться в такой ситуации намерены менее половины (46%) граждан. Большинство (54%) составили пассивные граждане, около четверти (23%) не готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, а примерно треть (31%) пока не имеют определенного мнения в отношении активного участия. Если значимых различий в готовности к гражданским действиям по полу не выявлено, то в возрастных группах готовность к совместным действиям намного выше среди молодежи студенческого возраста (78%), чем среди групп рабочего и пенсионного возраста (41% и 37% соответственно). Среди оппозиционно настроенных граждан готовность к совместным действиям оказалась намного выше (75%), чем среди лояльных власти (45%) и аполитичных (41%) граждан.

Социальная и политическая активность граждан заметно различаются. Опыт объединения усилий с другими людьми для решения общих задач социальной направленности, который включает инициативную деятельность для самостоятель-

ного, преимущественно не зависящего от участия государства, решения проблем на благо общества, имеют около трети (31 %) респондентов. В то же время опытом объединения усилий с другими гражданами для решения политических задач, которые состоят в инициативной деятельности для реализации потребностей и интересов посредством влияния на властные структуры, принятия ими политических решений, обладает вдвое меньшая доля респондентов (16 %). Выявленные различия характеризуют современное состояние общества — слабую социальную консолидацию и выраженное избегание политического участия. Абсолютное большинство граждан в своих установках деятельности не стремятся к объединению усилий для решения общественных задач, предпочитая отрешенную модель поведения либо самостоятельное решение проблем повседневной жизни. При этом полученные данные свидетельствуют о наличии корреляции между участием россиян в гражданской и политической активности (коэффициент корреляции Пирсона 0,467; значим на уровне 5 %).

В отношении политических установок уровень общественной активности узкой группы оппозиционно настроенных граждан оказался наиболее высоким. Более половины (53 %) из них имеют опыт организации для решения общих задач. Среди лояльных власти опыт социального участия имеет менее трети (31 %) респондентов, а среди аполитичных таких лишь четверть (25 %). Переход гражданского участия в политическую область сказывается на уровне активности обозначенных групп неравномерно. Политический опыт решения общественных задач имеет около трети (31 %) оппозиционеров, тогда как среди лоялистов и аполитичных таких значительно меньше (16 % и 12 % соответственно).

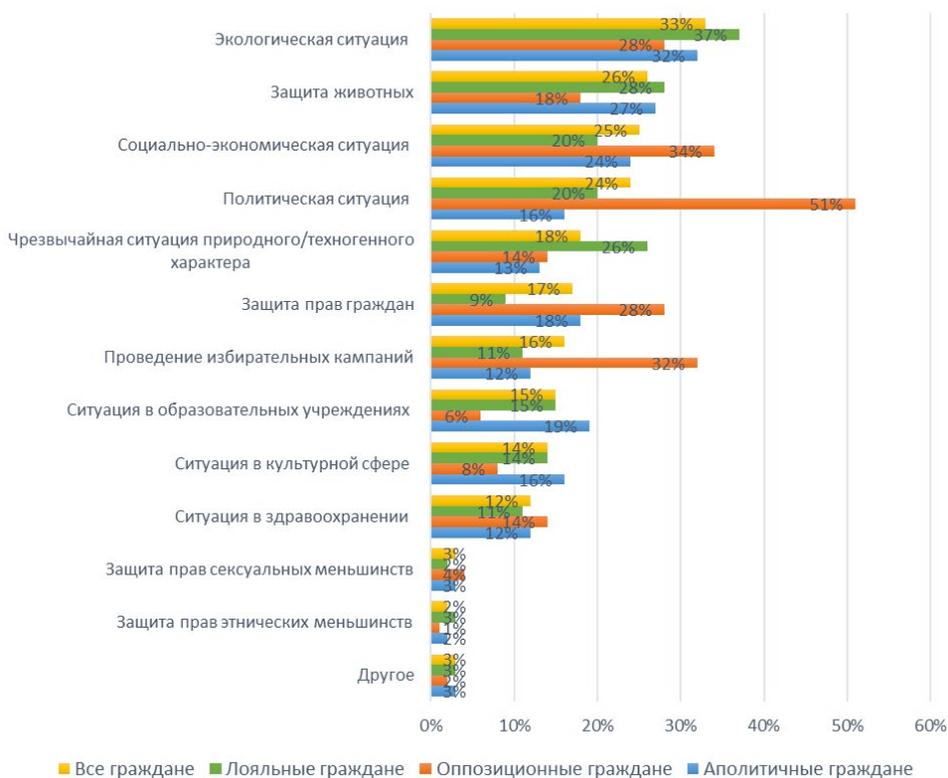
В целом опрос показал низкий уровень общественного участия российских граждан: менее четверти (22 %) граждан объединяют усилия с другими для решения общих задач не реже, чем раз в месяц, 17 % — не реже, чем раз в квартал, 18 % — не реже, чем раз в полгода, 14 % — не реже, чем раз в год. В политическом аспекте активность оппозиционных граждан оказывается выше активности лояльных.

Чаще всего объединяющими оказываются проблемы, связанные с экологией, защитой животных, уровнем жизни и политикой. Значимыми проблемами для совместного приложения усилий граждан являются чрезвычайные ситуации, права граждан, участие в выборах, состояние культуры, образования и здравоохранения. Защита прав меньшинств находится на периферии проблемного поля российского общества. Экологическая ситуация и защита животных беспокоит в большей степени лояльных и аполитичных граждан РФ, чем оппозиционно настроенных. Последние значительно чаще объединяются вокруг политической, социально-экономической, предвыборной и правозащитной повестки, при этом проблемы культуры и образования их занимают значительно меньше, чем лояльных и аполитичных граждан (см. рис. 1).

Мотивация общественной активности граждан весьма многообразна, однако главным стимулом к участию в гражданских инициативах выступает возможность быть полезным другим людям (32 %); значимыми мотивами являются также исполнение нравственного долга (18 %) и сопричастность к общему делу (16 %). Возможность самореализации, влияния на власть, общения с интересными

людьми и получения навыков оказались менее значимыми (по 7%), а повышение личной репутации и получение финансовых средств — слабыми мотивами для общей деятельности. Среди лояльных и оппозиционных граждан возможность быть полезным людям оказалась более выраженным мотивом, чем среди оппозиционеров. Лояльные граждане в большей степени следуют представлениям о нравственном долге, необходимости самореализации и получению дополнительных навыков. Оппозиционные граждане в большей степени руководствуются решением общих задач и возможностью оказать давление на власть.

Рис. 1. Проблемное поле объединения граждан в зависимости от политической направленности (Какие проблемы объединили Вас с другими гражданами? Несколько вариантов ответа)

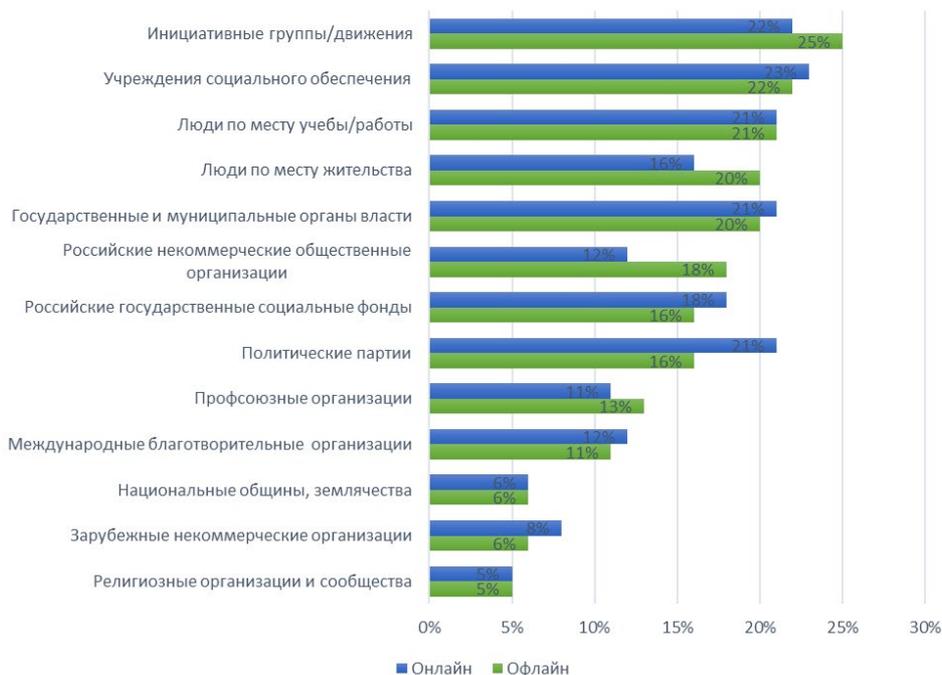

Общественная активность граждан офлайн и онлайн

Сопоставление использования офлайн и онлайн каналов коммуникации для взаимодействия с общественными институтами при реализации гражданских инициатив и оказания помощи людям выявило, что граждане проявляют различную активность в реальной и цифровой средах (см. рис. 2). Наиболее активно офлайн- и онлайн-каналы коммуникации используются для взаимодействия с инициативными группами и учреждениями социального обеспечения, общения по месту

учебы и работы. При взаимодействии по месту жительства граждане предпочитают непосредственное общение, но и в этом случае онлайн-каналы оказываются задействованы. Такая же ситуация наблюдается при взаимодействии с российскими общественными организациями. При взаимодействии с политическими партиями граждане большее предпочтение отдают онлайн-каналам коммуникации.

Рис. 2. Институциональные предпочтения граждан в коммуникации офлайн и онлайн для реализации общественной активности (С кем Вы предпочитаете взаимодействовать непосредственно (офлайн) для реализации гражданских инициатив, оказания помощи и поддержки другим людям? С кем Вы предпочитаете взаимодействовать через цифровые коммуникации (онлайн) для реализации гражданских инициатив, оказания помощи и поддержки другим людям? Несколько вариантов ответа)

Перекрестный анализ установок на взаимодействие с различными организациями для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн показывает наличие связи между предпочтениями при выборе субъектов взаимодействия для реализации гражданских инициатив (см. табл. 1). Подтверждение находит идея о первичности внутренних установок и ценностей граждан. При этом цифровые технологии выступают средством реализации значимой активности. Обращает на себя внимание доминирование инициативных групп, в том числе сообществ, объединенных общими условиями обучения, работы или местом жительства, как главных субъектов, сотрудничеству с которыми отдают предпочтение россияне в процессе реализации гражданских инициатив. Цифровые коммуникации рассматриваются гражданами как дополнительный канал связи, а не как инстру-

менты, определяющие выбор наиболее удобного субъекта для взаимодействия в рамках гражданской активности.

Таблица 1. Сопряжение установок россиян на взаимодействие с различными институтами для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн: доля указавших определенную установку в онлайн и в офлайн, в %

С кем Вы предпочитаете взаимодействовать офлайн для реализации гражданских инициатив?	С кем Вы предпочитаете взаимодействовать онлайн для реализации гражданских инициатив?														В целом
	Учреждения социального обеспечения	Государственные и муниципальные органы власти	Политические партии	Государственные социальные фонды	Негосударственными благотворительные фонды	Международные благотворительные фонды	Российские некоммерческие организации	Зарубежными некоммерческие организации	Профессиональные союзы	Национальные общины, землячества	Религиозные организации и сообщества	Инициативные группы/движения	Люди по месту учебы/работы	Люди по месту жительства	
Учреждения социального обеспечения	48	38	26	35	26	28	23	17	31	37	33	16	21	25	22
Государственные и муниципальные органы власти	27	45	27	31	21	16	26	28	16	28	16	17	20	26	20
Политические партии	18	25	41	25	23	23	20	18	18	36	15	18	11	8	16
Государственные социальные фонды	25	22	23	33	24	28	20	2	16	20	10	12	18	17	15
Негосударственные благотворительные фонды	16	18	25	27	44	38	32	31	19	27	22	19	14	13	16
Международные благотворительные фонды	16	13	25	21	24	37	20	22	18	19	9	7	9	10	11
Российские некоммерческие организации	13	18	25	18	31	36	67	39	23	22	27	22	13	13	18
Зарубежные некоммерческие организации	7	10	9	12	13	22	22	30	12	9	5	5	5	5	6
Профессиональные союзы	20	14	21	15	20	20	18	21	49	27	26	13	20	14	13
Национальные общины, землячества	11	11	7	11	10	11	9	15	11	35	19	7	7	5	6
Религиозные организации и сообщества	7	9	7	8	10	12	7	10	10	24	45	7	6	8	5
Инициативные группы/движения	14	21	24	21	41	38	44	35	26	29	38	73	28	34	25
Люди по месту учебы/работы	22	19	19	27	24	31	27	22	34	29	17	25	62	31	21
Люди по месту жительства	16	20	17	23	17	22	21	20	28	29	26	30	30	73	20

Примечания: Цветом выделены статистически значимые отличия в большую сторону от среднего значения по офлайн-активностям. При сравнении долей между группами используется поправка Бонферрони на множественность сравнений.

Определение различных видов общественной активности онлайн показывает, что среди пользователей преобладают формы участия, не требующие приложения больших усилий. Половина жителей расположена оказывать символическое содействие инициаторам гражданских действий. Обозначая свою поддержку и сопричастность инициаторам, лидерам и активистам лайками в социальных сетях, пользователи как бы входят в круг их сторонников. Более четверти уже выражает свое мнение, комментируя сообщения инициаторов гражданских действий. Примерно такая же доля активных пользователей оказывает содействие в распространение информации в социальных сетях. Значительное число условно активных пользователей включаются в обсуждение плана общих действий. Существенная доля активных пользователей оказывают материальную поддержку и помощь в сборе средств на проведение акции, однако лишь немногие участвуют в акциях, создают контент, выступают организаторами. Мужчины заметно более расположены размещать, комментировать и создавать контент о гражданских действиях, чем женщины. Склонностью к пассивным формам гражданского участия онлайн особо отличается молодежь. Оппозиционно настроенные граждане заметно превосходят по интенсивности действий лояльных власти и аполитичных как в пассивных, так и в активных формах гражданского участия онлайн.

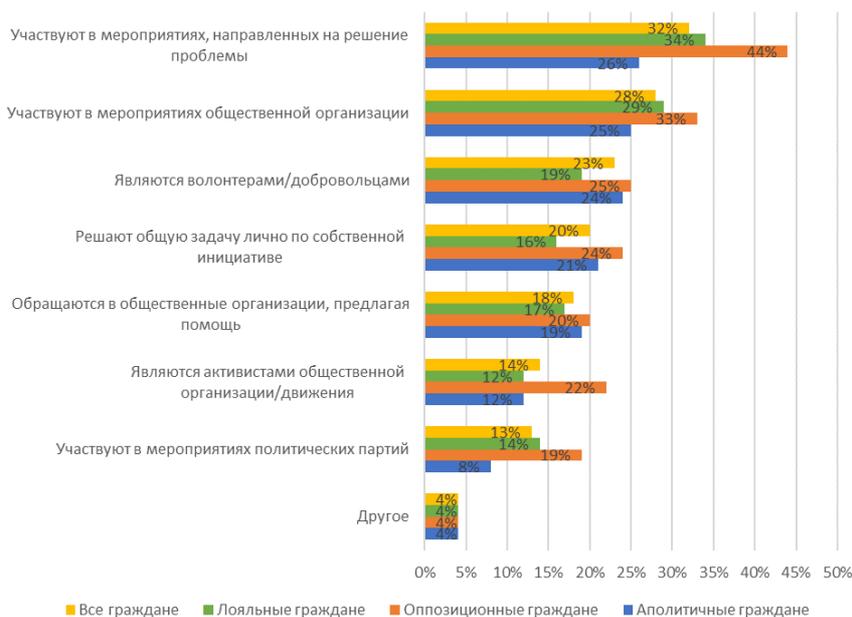
Рис. 3. Распределение форм общественной активности онлайн (Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность онлайн? Несколько вариантов ответа)

В офлайн-формате большая часть граждан принимает участие в мероприятиях для решения общих проблем, причем такие действия происходят на основании

самоорганизации сообщества либо инициированы общественной организацией (рис. 4). Около четверти активных граждан предпочитают заниматься волонтерской деятельностью. Активные граждане чаще решают общие задачи по собственной инициативе либо намерены помочь общественным организациям, тогда как к активистам общественных организаций и движений относят себя немногие. Практика участия в мероприятиях политических партий активных граждан оказалась наименее востребованной. Мужчины в офлайне более склонны к участию в гражданских действиях и активной деятельности в общественных организациях; женщины более расположены к волонтерской деятельности и инициативному решению общих проблем. Представители молодых когорт заметно чаще участвуют в общественных мероприятиях и волонтерской деятельности, выступают активистами общественных организаций; респонденты из старших возрастных групп склонны к участию в организованных общественных мероприятиях, из средних возрастных групп — чаще принимают участие в мероприятиях политических партий, настроены оказать содействие общественным организациям. Как и в онлайн-среде, оппозиционно настроенные граждане показывают более высокую активность, чем лояльные и аполитичные: они в заметно большей мере включены в решение общественных проблем, деятельность общественных организаций и политических партий. Аполитичные граждане показывают меньшую общественную активность, но проявляют высокую включенность в волонтерскую деятельность. Лояльные граждане менее инициативны в своих действиях, проявляют склонность к участию в организованных мероприятиях.

Рис. 4. Распределение форм общественной активности офлайн (Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность офлайн? Несколько вариантов ответа)

Пара переменных предпочтений общественной активности онлайн и офлайн позволяет утверждать о наличии прямой и сильной связи между онлайн и офлайн практиками россиян (табл. 2).

Таблица 2. Сопряжение значений переменных, отражающих предпочитаемые формы онлайн и офлайн активности граждан: доля граждан, указавших определенную форму активности в онлайн и офлайн, %

Каким образом Вы чаще всего проявляете свою общественную активность офлайн?	Каким образом Вы чаще всего проявляете свою общественную активность онлайн?									
	Обозначают поддержку, ставя лайки, подписывая петиции	Размещают контент от инициаторов на своей странице	Комментируют контент инициаторов в их аккаунтах	Обсуждают с инициаторами способы решения проблемы	Осуществляют пожертвование средств на решение проблемы	Помогают инициаторам собрать ресурсы для решения проблемы	Участвуют в акциях, флэш-мобах в социальных сетях	Создают и размещают собственный контент	Выступают в качестве инициатора/активиста	В целом
Участвуют в мероприятиях, направленных на решение проблемы	44	42	38	45	34	38	40	29	33	32
Обращаются в общественную организацию, предлагают помощь	21	28	23	24	27	28	28	21	22	18
Участвуют в мероприятиях общественных организаций	30	43	37	44	51	30	40	35	48	28
Участвуют в мероприятиях политических партий	12	19	18	21	21	28	25	19	29	13
Являются волонтерами	26	26	27	28	35	41	31	36	40	23
Являются активистами общественной организации/движения	14	21	19	29	25	28	33	31	42	14
Решают общую задачу лично по собственной инициативе	21	25	23	30	23	26	28	41	46	20

Примечания: Цветом выделены статистически значимые отличия в большую сторону от среднего значения по офлайн-активностям. При сравнении долей между группами используется поправка Бонферрони на множественность сравнений.

Наиболее востребованной для респондентов оказалась такая форма общественной активности, как участие в публичных мероприятиях, направленных на решение проблемы офлайн, каждый третий респондент (32%) заявляет о таком опыте своей социальной активности. При этом среди тех, кто оказывает поддержку инициаторам/активистам онлайн, участников публичных мероприятий значительно больше (44%), а среди тех, кто взаимодействует с инициаторами,

обсуждает наиболее эффективные способы решения проблемы — еще больше (45 %). По этой строке прослеживается явное сопряжение: чем активнее респонденты подключают цифровые технологии и каналы связи для реализации гражданской активности, тем чаще они имеют опыт участия в публичных мероприятиях, направленных на решение социальных проблем в офлайн. Также показательно, что в целом участвуют в мероприятиях общественных организаций более четверти граждан (28 %), а среди тех, кто выступает инициатором онлайн или взаимодействует с инициатором, таких около половины (48 % и 51 % соответственно). В этих случаях также подтверждается наличие существенной взаимосвязи между онлайн и офлайн гражданскими практиками. Таким образом, граждане, имеющие личную установку на реализацию гражданских инициатив, активно используют возможности онлайн-пространства для более эффективного решения социальных проблем офлайн.

Практики политической активности офлайн и онлайн

Самой распространенной формой политической активности граждан в офлайн-среде оказалось голосование на выборах, участие в котором обозначает почти абсолютное большинство. Более трети граждан принимали участие в подписании обращений и петиций в органы власти, около четверти участвовали в том или ином качестве в организации избирательных кампаний. Приверженность политической партии или общественной организации в виде членства и сторонника не являются широко востребованными формами политического участия, а участие в собраниях, митингах и акциях протеста объединяет лишь немногих активных граждан. Мужчины заметно активнее женщин участвуют в организации избирательных кампаний, протестных мероприятиях и партийной деятельности. В возрастных группах выделяется молодежь, которая значительно чаще декларирует свое участие в голосовании на выборах, подписании обращений к власти, протестных действиях. В политическом аспекте выделяются оппозиционные граждане, которые более активно голосуют на выборах, выдвигают публичные требования к власти, участвуют в акциях протеста и организации избирательных кампаний. Лояльные граждане более склонны к деятельности, организуемой партийными структурами, но выглядят более пассивными в электоральной активности. Аполитичные также менее склонны голосовать на выборах и участвовать в организованных протестных действиях.

В онлайн-среде самой распространенной формой политической активности граждан оказались пассивные формы участия, такие как получение информации по подпискам на цифровые ресурсы коммуникации органов власти, оппозиционных сил, политизированных сообществ социальных медиа. Лишь немногие включены в активные формы политической деятельности онлайн, занимаясь блоггингом, формированием сообществ, привлечением сторонников для участия в мероприятиях. Мужчины в целом выделяются большей политической активностью онлайн, чем женщины, особенно с точки зрения доли подписанных на информационные ресурсы оппозиции и модерлирующих сообщества в социальных медиа. В возрастных группах наблюдаются различия в предпочтениях каналов информации. Если старшее поколение подписывается на источники органов власти, то молодые

больше интересуются неофициальными источниками информации. Лояльные граждане выделяются значительно большей долей участников, подписанных на информационные ресурсы органов власти. Среди оппозиционных граждан еще большая часть подписаны на альтернативные информационные ресурсы, но также не склонны участвовать в активных формах политической активности онлайн. Аполитичных граждан слабо интересует политическая информация, но в активных формах участия они весьма схожи как с лояльными, так и оппозиционными гражданами.

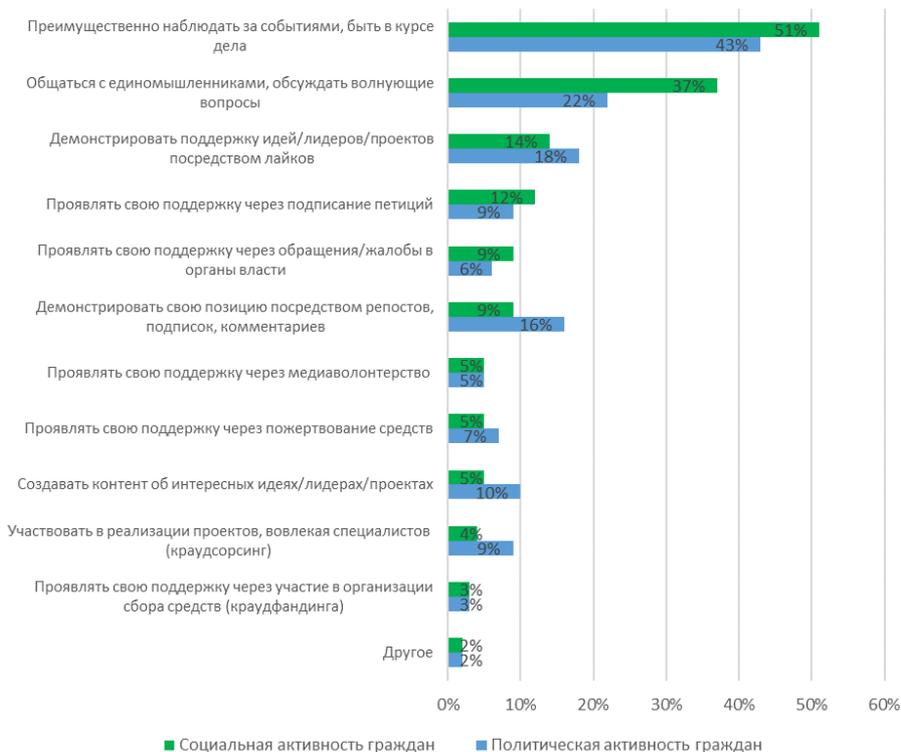
В целом на политическую активность онлайн ориентирована четверть респондентов (24 %), а действиям офлайн отдают предпочтение 22 %. Большинство опрошенных (54 %) дистанцируются от проявления всякой политической активности. Среди оппозиционно настроенных превалирующая часть (55 %) реализуют политическую активность онлайн, однако оппозиционно ориентированные респонденты чаще проявляют активность офлайн (54 %). Мужчины несколько чаще, чем женщины (26 % и 20 % соответственно), ориентированы на проявления политического активизма онлайн, однако в молодых когортах наблюдается обратная ситуация (36 % молодых людей и 26 % девушек демонстрируют готовность к участию в гражданских действиях офлайн); расположенность к офлайн активности в целом ярко проявляется в самой младшей возрастной группе (63 % опрошенных в возрасте 15—24 лет). К политическому участию онлайн готовы более половины (52 %) из тех, кто указал на ухудшение материального положения за последний год, и только треть (32 %) представителей этой группы расположены к политическому участию офлайн. Обратная тенденция наблюдается в достижениях социального статуса в обществе. Более трети (39 %) тех, чьей ведущей ценностью является достижение высоких общественных позиций, настроены на политические действия онлайн. Потенциал политической активности офлайн составляет половина (51 %) граждан, для которых главной жизненной ценностью является достижение высокого общественного положения.

Оптимальные пути развития гражданских и политических инициатив для современной России видятся россиянами в расширении прав и свобод (41 %), внедрении программы гражданского воспитания в систему образования (39 %), повышении качества коммуникации между гражданами и органами власти (35 %). Одна часть опрошенных связывает позитивные изменения с самостоятельным развитием структур гражданского общества без вмешательства государства (24 %), другая — с развитием гражданского общества через поддержку инициатив государством (21 %). В меньшей степени оптимальные пути видятся в развитии специальных платформ и сообществ гражданского общества (14 %), а также в развитии политической инфраструктуры в виде новых политических партий и движений (11 %). При этом введение наказаний за уклонение от гражданских обязанностей (7 %) и внедрение социального рейтинга граждан (5 %) не встречают одобрения у российских граждан.

Среди опрошенных, предпочитающих наблюдать онлайн за общественными процессами, также прослеживаются различные отношения к социальным и политическим действиям. Социальная онлайн-активность в большей части проявляется в пассивном отслеживании информации, распространении и обсуждении

заинтересовавшего контента в кругу своего сообщества; политическая онлайн-активность среди пользователей проявляется в одобрении контента лайками, репостами и комментариями. Оппозиционно настроенные пользователи сильнее включены в наблюдение за происходящими событиями, подписание петиций, демонстрацию поддержки лайками и репостами.

Рис. 5. Различия в проявлениях социальной и политической онлайн-активностей (Что из социальных проявлений гражданской активности Вы считаете приемлемым для себя онлайн? / Что из проявлений политической активности Вы считаете приемлемым для себя онлайн? Несколько вариантов ответов)

Сформированная модель общественной онлайн-активности, требующая меньше усилий для участия и обеспечивающая больший охват аудитории, оказывается весьма устойчивой. Среди пользователей цифровыми коммуникациями переход к активным практикам гражданских действий социального характера офлайн в той или иной степени допускают лишь 17% опрошенных, 52% этого не допускают, а 31% — не выражают определенных намерений. Схожие показатели наблюдаются и в отношении перехода граждан к политической активности офлайн. Следовательно, ключевым фактором перехода является не сфера деятельности, а прочные установки на пассивное поведение, не требующее приложения больших затрат времени и энергии для участия в общественной деятельности.

Общественная активность удерживается в цифровом пространстве по многим мотивам. Основными из них выступают негативный опыт офлайн-участия, обилие гражданских инициатив, политические интересы, чуть реже — низкая эффективность влияния на жизнь, невозможность оказать помощь многим. В отношении политической активности сдерживают, прежде всего, множество проектов и слабое влияние на жизнь общества, в несколько меньшей степени — негативный опыт участия и невозможность оказать содействие всем.

Рис. 6. Мотивы закрепления социальной и политической активностей онлайн
(Почему такие люди как Вы предпочитают оставаться онлайн для проявления/реализации социальной активности? / Почему такие люди как Вы предпочитают оставаться онлайн для проявления/реализации политической активности? Несколько вариантов ответа)

Особую важность представляет определение факторов, способствующих повышению общественной активности граждан. Проведенный опрос не позволил выявить доминирующие факторы, однако среди ведущих были названы рост уровня жизни, появление новых массовых общественных организации и лидерских политических партий, объединяющих людей. Значимую часть граждан может подвигнуть к активной общественной деятельности усугубление экономического кризиса, меньшую часть — изменение политического курса и смена руководства страны. Введение санкций и поощрений для стимулирования общественной активности оказывается еще менее значимым фактором. С точки зрения политических установок фактор повышения уровня жизни является более важным для оппозиционных и лояльных граждан, чем для аполитичных, в большей степени ожидающих появления объединяющего граждан общественного движения.

Оппозиционные граждане выделяются неприятием введения санкций и поощрений за общественное участие.

Полученные результаты согласуются с данными актуальных опросов общественного мнения, которые также фиксируют низкий уровень гражданского участия: по оценкам ВЦИОМ, немногим менее половины (45 %) российских граждан не проявляют общественной активности¹. Наиболее популярные формы социальной активности — это совместное участие граждан в благоустройстве домов и окружающих территорий (24 %), а также сбор средств и вещей нуждающимся (20 %). Политическая активность проявляется прежде всего через голосование на выборах в органы власти различного уровня (21 %). Значимые доли граждан участвовали в подписании совместных петиций (8 %), работе домовых комитетов и местном самоуправлении (7 %), проведении избирательных кампаний (6 %). Остальные формы общественной активности, в числе которых участие в митингах, демонстрациях, пикетах (3 %) и забастовках (1 %), в деятельности общественных (4 %) и профсоюзных (4 %) организаций, церковной общины (3 %) и политической партии (2 %), используют лишь малые доли граждан.

Итоги мониторинговых измерений ВЦИОМ выявляют изменения состояния гражданского участия с начала текущего века, определяя траектории подъема и падения. В настоящее время общественная активность российских граждан находится, как показывают ряды данных, на среднем уровне. Структура форм общественной активности также изменяется: в последние годы существенно выросло участие граждан в благоустройстве, помощи людям в тяжелом положении, подписании обращений. При этом прослеживается заметный спад электоральной активности граждан, которые отстраняются от участия в формировании политических институтов. Результаты социологических опросов свидетельствуют о расширении репертуара форм гражданской активности и сужении принятых форм политического участия.

Выводы

Проведенное исследование показало выраженную отстраненность россиян от политической деятельности, связанной как с поддержкой власти, так и с поддержкой оппозиции. Аполитичные граждане составляют большинство российского общества, которое характеризуется проявлениями социальной активности и неприятием политического участия. Лояльные граждане, составляющие более трети, показывают средний уровень социальной и политической активности. Оппозиционные граждане, доля которых составляет немногим более десятой части, оказались меньшинством, показывающим высокий уровень социальной и политической активности.

Социально пассивные граждане составляют более половины населения. Среди российских граждан преобладает разобщенность в готовности объединяться для совместных общественных действий. При этом опыт объединения усилий в социальной активности граждан значительно превосходит политическую активность.

¹ Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. 11 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 10.12.2021).

Однако в целом выявляется слабая консолидация граждан в объединении усилий, личная отрешенность от решения общественных задач.

Активных граждан объединяют, прежде всего, проблемы экологии, защиты животных и низкого уровня жизни. Наименее значимыми для граждан оказались проблемы защиты национальных и сексуальных меньшинств. Главный мотив общественной активности заключается в возможности быть полезным другим людям, ведущие мотивы состоят в исполнении нравственного долга и сопричастности к общему делу, значимые мотивы кроются в самореализации, оказании влияния на власть, общении с интересными людьми, получении полезных навыков. Материальные стимулы оказались слабыми мотивами общественной активности.

В общественной онлайн-активности преобладают «мягкие» кликтивистские формы участия граждан без приложения особых усилий, которые заключаются в символическом содействии, реже — комментариях и распространении информации в социальных сетях. В офлайн-формате граждане склонны участвовать в мероприятиях для решения общих проблем на основании самоорганизации сообщества либо инициативы общественной организации. Сопоставление практик политической активности выявило, что самой распространенной формой офлайн-активности оказалось голосование на выборах и подписание обращений органам власти, тогда как участие в собраниях, митингах, акциях протеста объединяет лишь малую долю активных граждан. В онлайн-пространстве наиболее распространенными активностями являются пассивные формы участия, состоящие в получении информации по подпискам от органов власти и политических сообществ социальных медиа.

Социальная активность онлайн проявляется больше в пассивном отслеживании информации, распространении и обсуждении контента в сообществе. Политическая онлайн-активность среди пользователей проявляется в одобрении контента лайками, репостами и комментариями. В общественной онлайн-активности выделяется значительно большая включенность оппозиционных граждан. В целом модель общественной онлайн-активности, состоящая в минимизации усилий для участия и обеспечении широкого охвата аудитории, доминирует среди российских граждан. Сформированное пассивное поведение большинства выступает ключевым фактором сдерживания конверсии общественной активности из онлайн- в офлайн-пространство.

Сопряжение установок на взаимодействие с различными организациями для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн выявило наличие связей, которые обусловлены личностными установками и ценностями граждан. Цифровые коммуникации выступают средством реализации общественной активности граждан, расширяющими возможности организации совместных действий. Корреляция предпочтений форм общественной активности онлайн и офлайн еще более явно показывает наличие прямой и сильной связи между практиками действий граждан в цифровой и реальной средах. Граждане, ориентированные на реализацию гражданских инициатив, активно используют возможности онлайн-коммуникаций для решения общественных проблем офлайн.

В прикладных исследованиях гражданского активизма в современной России цифровые коммуникации обозначались как слабые триггеры общественных дей-

ствий, что объяснялось слактивистскими интересами и практиками пользователей [Петухов и др., 2014]. Полученные данные подтверждают позицию ряда исследователей об интенсивном трансформирующем влиянии цифровых коммуникаций на общественную активность [Boulianne, 2009]. Ее проявление в социальных сетях дополняет, а не заменяет деятельность граждан в реальной жизни: общественная активность граждан онлайн напрямую связана с намерениями активности офлайн [Chen, 2017]. Использование социальных сетей помогает людям формировать сообщества, свою политическую идентичность и гражданскую осведомленность [Christensen, 2011]; взаимодействие и концентрация на общественно значимых вопросах способствует вовлечению в активную деятельность. Общественный активизм в онлайн- и офлайн-пространствах не имеет взаимных ограничений в действиях граждан. Со временем формируется интегрированный, «гибридный активизм», состоящий из различных связанных форм офлайн- и онлайн-действий граждан [Milošević-Dorđević, Žeželj, 2017].

Существующая научная дискуссия отражает тенденцию интеграции офлайн- и онлайн-пространств в проявлениях общественной активности граждан. Исследователи пытаются понять условия и эффекты вовлечения граждан при тесном взаимовлиянии сред на общественную деятельность, а также механизмы перехода к активным действиям. Дальнейшие перспективы исследований видятся в измерении уровня общественного взаимодействия граждан, влияния силы информационных потоков, изменений сетевых структур и технологий конверсии общественной активности онлайн и офлайн.

Список литературы (References)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Web or text? Factors of Protest Spread in Social Media: Theory and Data Analysis. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

Brodovskaya E. V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180—197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>.

Brodovskaya Ye. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Azarov A. A. (2019) Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018). *Political science (RU)*. No 2. P. 180—197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)

Павлова Т. В. Институциональные подходы к изучению социальных движений // Политическая наука. 2009. № 3. С. 71—83.

Pavlova T. V. (2009) Institutional Approaches to the Study of Social Movements. *Political Science (RU)*. No. 3. P. 71—83. (In Russ.)

Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4202> (дата обращения: 18.12.2021).

Patrushev S. V. (2009) Civil Activity: Institutional Approach. Prospects for Research. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4202> (дата обращения: 18.12.2021). (In Russ.)

Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11—19. Petukhov V. V., Barash R. E., Sedova N. N., Petukhov R. V. (2014) Civic Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation. *Vlast'*. No. 9. P. 11—19. (In Russ.)

Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.

Pyrma R. V. (2019) The Influence of Digital Communications on Political Participation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 9. No. 4. P. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>. (In Russ.)

Пырма Р. В. Содержание современного гражданского активизма // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 141—147. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8021>.

Pyrma R. V. (2021) The Content of Modern Civic Activism. *Vlast'*. Vol. 29. No. 2. P. 141—147. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8021>. (In Russ.)

Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48—71.

Sedova N. N. (2014) Civil Activism in Modern Russia. *Sociological Journal*. No. 2. P. 48—71. (In Russ.)

Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. Thaler R., Sunstein K. (2018) *Nudge. Choice Architecture*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)

Трофимова И. Н. Гражданский активизм в России: новые реалии // NOTA BENE. 2014. № 9. С. 1020—1031. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2014.9.13166>.

Trofimova I. N. (2014) Civil Activism in Russia: New Realities. *NOTA BENE*. No. 9. P. 1020—1031. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2014.9.13166>. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // *Власть*. 2015. № 2. С. 53—60.

Yanitskiy O. N. (2015) Social Activism in Russia: Yesterday and Today. *Vlast'*. No. 2. P. 53—60. (In Russ.)

Bennett W., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. New York, NY: Cambridge University Press.

Bernsten D., Rubin D. (2002) Emotionally Charged Autobiographical Memories Across the Life Span: The Recall of Happy, Sad, Traumatic, and Involuntary Memories. *Psychology and Aging*. Vol. 17. No. 4. P. 636—652.

Bimber B. (2000) The Study of Information Technology and Civic Engagement. *Political Communication*. Vol. 17. No. 4. P. 329—333.

Boulianne S. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*. No. 26. P. 193—211.

Briscoe F., Gupta A. (2016) Social Activism in and around Organizations. *The Academy of Management Annals*. Vol. 10. No. 1. P. 671—727. <https://doi.org/10.1080/19416520.2016.1153261>.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. 2nd edition. Polity.

Chen J. (2017) Can Online Social Networks Foster Young Adults' Civic Engagement? *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 5. P. 487—497. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.09.013>.

Christensen H. S. (2011) Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? *First Monday*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.

Dalton R. J. (2015) *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics*. Washington, DC: CQ Press.

Earl J., Kimport K. (2011) *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. Cambridge, MA; London, England: MIT Press.

Fogg B. J. (2020) *Tiny Habits: The Small Changes That Change Everything*. Boston, MA: Mariner Books.

George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.

Kellerman A. (2014) *The Internet as Second Action Space*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315765105>.

Klandermans B. (2004) The Demand and Supply of Participation: Social Psychological Correlates of Participation in Social Movements. In: Snow D. A., Soule S. A., Kriesi H. (eds.)

The Blackwell Companion to Social Movements. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 360—379.

Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. (2014) The Structure of Online Activism. *Sociological Science*. No. 1. P. 1—9. <https://doi.org/10.15195/v1.a1>.

Martin B. (2007) Activism, Social and Political. In: Anderson G. L., Herr K. G. (eds.) *Encyclopedia of Activism and Social Justice*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 19—27.

Milbrath L. (1965) *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* 1st ed. Chicago, IL: Rand McNally.

Milbrath L. W. (1981) Political Participation. In: Long S. L. (ed.) *The Handbook of Political Behavior*. Boston, MA: Springer. P. 197—240. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4.

Milošević-Đorđević J.C., Žeželj I. L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. P. 113—118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.

Preece J., Shneiderman B. (2009) The Reader-To-Leader Framework: Motivating Technology Mediated Social Participation. *AIS Transactions on Human Computer Interaction*. Vol. 1. No. 1. P. 13—32.

Roberts J. (2014) *New Media and Public Activism: Neoliberalism, the State and Radical Protest in the Public Sphere*. Bristol, UK; Chicago, IL: Bristol University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t6p7cw>.

Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J. R. (2014) Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements. *Government Information Quarterly*. Vol. 31. No. 3. P. 365—378. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.10.016>.

Selander L., Jarvenpaa S. L. (2016) Digital Action Repertoires and Transforming a Social Movement Organization. *MIS Quarterly*. Vol. 40. No. 2. P. 331—352.

Soman D. (2017) *The Last Mile: Creating Social and Economic Value from Behavioral Insights*. Toronto, Canada: University of Toronto Press.

Theocharis Y., van Deth J. (2018) The Continuous Expansion of Citizen Participation: A New Taxonomy. *European Political Science Review*. Vol. 10. No. 1. P. 139—163.

Young A., Selander L., Vaast E. (2019) Digital Organizing for Social Impact: Current Insights and Future Research Avenues on Collective Action, Social Movements, and Digital Technologies. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100257. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100257>.

Youngs R. (2019) *Civic Activism Unleashed: New Hope or False Dawn for Democracy?* New York, NY: Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190931704.001.0001>.